

УДК 343.137.2

Д. В. Зотов

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПОЗНАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Рассмотрены особенности уголовно-процессуального познания в особом порядке судебного разбирательства, во многом основанного на положениях концепции формального (легального) доказывания. Формализация доказывания предполагает наличие необходимых доказательств и обязательных их источников (необходимых пределов доказывания), которые создают надлежащие условия для реализации процессуальной формы главы 40 УПК РФ.

Criminal procedural cognition in special judicial proceedings is largely based on the provisions of the concept of formal (legal) evidence. The formalisation of evidence presupposes the availability of the necessary proofs and mandatory sources of evidence that create proper conditions for the implementation of the procedural norm of Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, пределы доказывания, признание вины, согласие с обвинением, особый порядок.

Key words: proof, evidence; proving limits, guilty plea, the agreement with the prosecution.

К числу необходимых пределов доказывания [1, с. 197–210] следует отнести те источники доказательств, которые предусматривают признание вины обвиняемым в тех производствах, где оно является обязательным. В таких производствах хорошо прослеживается связь между необходимыми доказательствами и необходимыми пределами доказывания. Конечно, речь идет об особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, одним из условий которого служит признание обвиняемым своей вины и надлежащее процессуальное оформление такого признания. Такой подход к особому порядку судебного разбирательства разделяется не всеми учеными и практиками. Главным нервом дискуссии выступает проблема соотношения понятий «согласие обвиняемого с предъявленным обвинением» и «признание обвиняемым своей вины». Одной из предпосылок исследования такого соотношения выступает уяснение сущности доказывания в особом производстве.

Однако само наличие доказательственной деятельности в особом порядке признается не единодушно. Например, одни ученые фиксируют полное отсутствие процесса доказывания по уголовным делам, рассматриваемых в особом порядке, что свидетельствует о формальном характере законности приговоров в связи с неуверенностью суда в его правильности [2, с. 38]. Другие авторы высказали предположение о су-

ществовании помимо доказывания иного особого механизма формирования убеждения [3, с. 73]. Критические взгляды на положения гл. 40 УПК РФ включают и такие доводы: «Данная упрощенная форма судопроизводства не только исключает необходимость достижения процессуальной истинности судом, но и возвращает правоприменителя во времена "царствования" лучшего доказательства виновности — к признанию обвиняемым своей вины. Отсутствие процесса доказывания в судебном разбирательстве и наличие в суде материалов уголовного дела только с одним итоговым обвинительным документом означает откровенное снижение стандартов процесса доказывания виновности, а как следствие, обоснованности и мотивированности судебного приговора» [4, с. 257–258]. Серьезным барьером в «классическом» восприятии доказывания выступает следующий аргумент: «Главным доказательством, на котором основывается суд при постановлении обвинительного приговора по результатам особого порядка судебного разбирательства, является признание обвиняемым своей вины» [5, с. 74], что противоречит законодательному запрету определения заранее установленной силы доказательств.

Приведенные суждения выглядят слишком широкими и радикальными: «Формальный характер, как известно, охватывает весь строй уголовного судопроизводства и в определенной мере свойственен любому судебному решению, а не только приговору, провозглашенному в соответствии с особым порядком» [6, с. 26]. Действительно, на особые процессуальные производства существенное влияние оказывают формализованные способы познания обстоятельств дела, но они вовсе не исчерпывают доказательственный процесс. Доказывание вовсе не исключается в особом порядке, оно лишь переключается с правил «всесторонности, полноты и объективности» на правила особого производства, которым свойственен формально-логический характер познания. При этом примат свободной оценки доказательств продолжает существовать за счет оставшейся возможности у участников судопроизводства всегда перейти с особого порядка на общий. Несколько чрезмерны опасения касательно процессуальных гарантий. Гарантированность прав участников разбирательства дела в особом порядке сбалансирована за счет дополнительных возможностей, предоставляемых законом:

Суд при производстве в особом порядке действительно поставлен в жесткую зависимость от позиций обвиняемого, потерпевшего и государственного обвинителя. Между тем указанные участники осознанно, без принуждения, при наличии альтернативы избирают производство в особом порядке, реализуя таким путем свое законное право, — пишет Е. А. Карякин. — Императивно установить запрет, лишить участников возможности выбора производства в особом порядке, руководствуясь при этом чьи-либо «сомнениями о возможности реализации принципов презумпции невиновности, законности, состязательности, осуществления правосудия только судом», — означает допустить ограничение прав данных участников [7, с. 26].

Что же касается собственного признания, то это доказательство не стоит «короновать» и в особом порядке, поскольку продолжают действовать правила о свободной оценке доказательств, запрете заранее установленной силы, исключительности каких-либо привилегированных источников и т.п. Закон по-прежнему запрещает основывать приговор на одном лишь собственном признании вины.

Отсутствие традиционных уровней и этапов уголовно-процессуального доказывания вовсе не должно приводить к выводу о полном его отсутствии. Смена порядка судопроизводства — от общего к особому — логично предопределяет и изменения в характере доказательственной деятельности. При этом такие изменения не всегда отрицательны, они лишь отвечают той модели процессуальной формы, которой служат.

Например, Т. Б. Рамазанов особенности судебного доказывания видит в том, «что, во-первых, доказывание сосредоточено не на выяснении обстоятельств совершенного преступления, а на выполнении сторонами условий процедуры соглашения и соблюдения прав заинтересованных в исходе дела лиц, во-вторых, ввиду того, что в данном случае стороны о фактах не спорят, но могут не соглашаться друг с другом в правовой оценке деяния, иметь разное понимание уголовного или уголовно-процессуального закона, подлежащего применению, и справедливости назначаемого наказания» [8, с. 130]. Однако после такой обоснованной посылки сам автор приходит к несогласованным выводам.

При проведении судебного разбирательства в особом порядке суд ничего не доказывает, все обстоятельства дела должны быть установлены и все доказательства собраны... Однако председательствующий в судебном заседании судья вправе подвергнуть сомнению любую из составляющих соглашения сторон о сделке с правосудием, при этом самостоятельно определив как предмет доказывания, так и субъекта, который обязан доказывать те или иные обстоятельства [9, с. 132].

Такие утверждения сомнительны в части наличия полномочий у суда по формированию предмета доказывания, который определен законом, а равно и полномочий в распределении бремени доказывания, поскольку презумпция невиновности продолжает «работать» и в особом производстве. В выявлении особенностей доказывания в особом порядке интерес представляет следующая точка зрения.

В рамках особого порядка уголовного судопроизводства происходит преобразование предмета доказывания как законодательной схемы, задающей круг обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по делу, а не просто его уточнение, обусловленное особенностями стадии или рассматриваемого уголовного дела. — По убеждению А. В. Боярской, такое преобразование состоит в следующем: 1. В рамках представленной в гл. 40 УПК РФ процедуры происходит выявление обстоятельств, которые можно сгруппировать в два предмета доказывания — уголовно-процессуальный и уголовно-правовой. 2. Установление обстоятельств, относящихся к каждому из них, осуществляется раздельно. 3. Обратиться к уголовно-правовому предмету доказывания можно, лишь установив данные, относящиеся к уголовно-процессуальному предмету доказывания. 4. Результаты применения норм как уголовно-правового, так и уголовно-процессуального характера отражаются в общем итоговом решении — приговоре [10, с. 203 — 207].

Доказывание в особом порядке действительно «особое» за счет исключения из него процедур по исследованию фактических обстоятельств дела, что характерно для традиционного понимания доказательственной деятельности. Вместе с тем закон не снимает с суда обязанность по познанию, удостоверению и обоснованию всех условий, предполагающих возможность вынесения приговора в особом процессуальном режиме. Это предполагает убеждение суда в обоснованности предъявляемого подсудимому обвинения. Такая деятельность суда, в свою очередь, невозможна без оценки соответствующих материалов дела и доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие необходимых условий. К числу таких условий УПК РФ и Постановление Пленума Верховного суда РФ №60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» относят:

- 1) заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением;
- 2) заявление такого ходатайства в присутствии защитника в момент ознакомления с материалами уголовного дела или на предварительном слушании;
- 3) осознание обвиняемым характера и последствий добровольного заявления им ходатайства после проведения консультаций с защитником;
- 4) отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке;
- 5) обвинение лица в совершении преступления, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы;
- 6) обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами;
- 7) понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме;
- 8) отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.

Однако такая система условий признается не всеми учеными. Например, существует предложение о разграничении понятий «условия» и «основания» применения особого порядка:

Единственным основанием рассмотрения уголовного дела в особом порядке является волеизъявление обвиняемого, а формой выражения его воли — адресованное суду ходатайство. При отсутствии ходатайства обвиняемого особый порядок не может быть применен, даже если налицо весь комплекс предусмотренных ст. 314 обстоятельств. Согласие с обвинением, отсутствие возражений государственного или частного обвинителя и потерпевшего, а также наличие иных обстоятельств, указанных в нормах главы 40 УПК, никак не повлияют на форму судопроизводства, если обвиняемый не выразит желание воспользоваться особой процедурой и не подтвердит его в судебном заседании (ч. 5 ст. 217, ст. 314, 316). Поэтому все правила и требования, которые должны быть соблюдены при наличии ходатайства обвиняемого, следует считать условиями применения особого порядка судебного разбирательства (ч. 1, 2 ст. 314, ч. 2 ст. 315, ч. 7 ст. 316, ч. 5 ст. 217 УПК). От этого данные требования не становятся менее важными, так как их отсутствие не позволяет рассмотреть дело в особом порядке даже при наличии основания [11, с. 2].

С такими выводами сложно согласиться по следующим причинам. Во-первых, законодатель действительно не разграничивает условия и основания особого порядка судебного разбирательства, поскольку они идентичны в своем юридическом значении. Правовые последствия невыполнения любого из предусмотренных законом обстоятельств неизбежно приводят к единственному результату: необходимости отступления от особого порядка в пользу общего. Поэтому отсутствие разных по степени значимости обстоятельств, с которыми закон связывает возможность применения данной процессуальной формы, приводит к выводу о нецелесообразности выделения условий различной очередности [12, с. 47 – 50] в реализации особого порядка. Отсутствие любого из элементов сложного юридического состава, будь то надлежащего ходатайства обвиняемого, согласия его с обвинением, отсутствие возражений у самой стороны обвинения или убежденности суда в надлежащем выполнении всех процедур, блокирует механизм главы 40 УПК РФ. Прямая зависимость выбора формы судопроизводства от любого из необходимых обстоятельств, предусмотренных для такой формы, приводит к тождественности понятий «основания» и «условия» применения особого порядка судебного разбирательства. Во-вторых, единственным отличием ходатайства обвиняемого от других условий рассмотрения дела в особом порядке выступает временной момент, предполагающий первоначальность выражения волеизъявления обвиняемого прежде соблюдения всех прочих условий. С таких позиций подобное волеизъявление следует воспринимать лишь как повод к возможности рассмотрения дела в особом порядке.

Среди названных условий применения особого порядка судебного разбирательства сложности вызывает толкование «согласия обвиняемого с предъявленным обвинением» и его соотношение с «признанием обвиняемым своей вины». В случае установления необходимой связи этих категорий можно утверждать о регламентации законом обязательных доказательств и необходимых пределов доказывания в особом производстве.

Согласие с обвинением не тождественно признанию своей вины. Мотивы же, побудившие лицо ходатайствовать о рассмотрении дела в особом порядке, лежат за пределами судебного исследования, да и возможность их достоверного установления вызывает серьезные сомнения. Возникает и главный вопрос: на каком основании судье следует отказать обвиняемому в удовлетворении его «недобросовестно заявленного» ходатайства при соблюдении указанных в законе условий проведения особого порядка? Такие основания объективно не могут быть закреплены в законе [13, с. 134].

Эти рассуждения не учитывают действие базовых уголовно-процессуальных принципов и гарантий, распространяющихся на все известные формы уголовного судопроизводства, в том числе и на особый порядок. Так, положения презумпции невиновности, предполагающие именно проверку доказательств вины, а не формальное фиксирование внешних обстоятельств дела, является гарантией обоснованного вынесения таких процессуальных решений, как обвинительного за-

ключения (акта) и приговора, постановленного в особом порядке судебного заседания. Закон ставит в прямую зависимость вынесение приговора судьей в особом порядке от необходимости подтверждения доказательствами обоснованности обвинения (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Голословное согласие с обвинением сродни с «царицей доказательств». Это одно из необходимых условий постановления приговора в порядке гл. 40 УПК РФ, поэтому процессуальным выходом в рассматриваемой ситуации будет принятие судьей по собственной инициативе в соответствии с ч. 6 ст. 316 УПК РФ решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Кроме того, конструкция ч. 2 ст. 314 УПК предоставляет судье при наличии всех формальных условий право не удовлетворять ходатайство обвиняемого и назначить судебное разбирательство в общем порядке, даже не мотивируя письменно свое решение, поскольку постановление приговора в особом режиме остается правом, а не обязанностью суда, если у него возникли сомнения в обоснованности обвинения.

Приводятся и другие аргументы в пользу демаркации признания вины от согласия с обвинением: «Обвиняемый может отрицать юридическую оценку своих действий как преступных, но подтверждать действия, образующие состав преступления. Однако он может признать себя виновным, хотя его действия не образуют состав преступления, то есть согласиться не с каждым предъявленным ему обвинением. Согласие с предъявленным обвинением не содержит элементов вины, оно лишь констатирует предъявленное органами предварительного расследования обвинение» [14, с. 107–115]. Вот еще подобные суждения: «Обвиняемый соглашается с квалификацией его действий (бездействия) по определенной статье, части и пункту УК РФ. Происходит ли то же самое при признании вины? Вовсе не обязательно» [15]. Ошибочность таких подходов состоит в разрыве предмета доказывания и выборочном формировании содержания обвинения лишь за счет элементов объективной стороны состава преступления. Обвинение в обязательном порядке должно содержать указание на обстоятельства, подлежащие доказыванию, то есть обвинение включает в себя установление всего предмета доказывания (п. 4 ч. 2 ст. 171, ст. 220, ст. 225 УПК РФ). Обязательным элементом предмета доказывания выступает определение виновности лица в совершении преступления и формы его вины. Соответственно, обвиняемый, соглашаясь с предъявленным обвинением, признает и его содержание в части надлежащей квалификации, установленности предмета доказывания — признания себя виновным с той формой вины, которая предъявлена органами предварительного расследования. Непризнание юридических оценок обвинения, в том числе и оценки его виновности, влечет за собой рассмотрение уголовного дела в общем порядке. Отступление от такой логики чревато лакунами в цепочке состав преступления — предмет доказывания — обвинение. Приняв от обвиняемого лишь согласие с обвинением без признания вины, подтвержденного другими доказательствами, суд будет находиться во власти положительного русла формальной теории дока-

зательств, диктующей заранее установленную силу отдельно взятого процессуального решения без выявления его содержательной стороны [16, с. 5–9].

Совершение обвиняемым преступления, в котором он признает себя виновным, является материальной предпосылкой судебного разбирательства в особом порядке. На наш взгляд, согласие с предъявленным обвинением, как и признание вины, связано с позицией обвиняемого относительно фактических обстоятельств дела, — совершенно справедливо указывает В.Н. Курченко. — Признание обвиняемым вины определенным образом отражается на установлении фактических обстоятельств дела. В этом случае обстоятельства, установленные в ходе расследования, совпадают с показаниями обвиняемого. Выводы об обстоятельствах преступления в значительной мере основываются на этих показаниях, подтверждаются иными доказательствами по делу [17, с. 22].

Ту же позицию занимает и Верховный суд РФ, обращая внимание в Постановлении Пленума №60 от 5 декабря 2006 г. на то, что «под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого».

Именно с таких позиций можно говорить об определенной процессуальной тождественности согласия обвиняемого с предъявленным обвинением и признанием им своей вины. Такая тождественность предполагает обязательность признания вины как части согласия с обвинением. Поэтому законодатель не случайно не вводит «признание обвиняемым вины» в качестве отдельного условия особого порядка судебного разбирательства, поскольку оно бы противоречило известному правилу о недопустимости формирования обвинения на одном лишь признании вины обвиняемым (ст. 77 УПК РФ). Выходом из такой ситуации выступает действующая конструкция законодательной техники — «согласие обвиняемого с обвинением», предусматривающая помимо признания вины еще и признание всей совокупности доказательств, подтверждающих вину лица. Учитывая эти основания, сложно согласиться с прозвучавшем предложением [18, с. 6] о закреплении в УПК РФ признания вины обвиняемым в качестве необходимого условия рассмотрения уголовного дела в особом порядке.

Вместе с тем, соглашаясь с точкой зрения ряда ученых о том, что признание вины необходимо для реализации положений главы 40 УПК РФ, следует заметить некоторую логическую непоследовательность, которая, впрочем, не меняет итогового результата: без признания вины обвиняемым дело не может рассматриваться в особом порядке судебного разбирательства. Так, Ю.В. Кувалдина и В.А. Лазарева полагают, что «согласие с обвинением можно рассматривать как согласие обвиняемого с утверждением стороны обвинения о совершении тех действий, которые квалифицируются по определенной статье (части статьи) уго-

ловного закона как преступление. Признание вины — это признание обвиняемым не только субъективных признаков содеянного — формы и вида вины, но и обвинения как совокупности фактических и юридических обстоятельств дела. Таким образом, категории «признание вины» и «согласие с обвинением» соотносятся как целое и часть: первая имеет более широкое содержание и предполагает вторую в качестве своего элемента. Поэтому, если обвиняемый не признает вину, нельзя говорить о том, что он согласен с предъявленным обвинением» [19, с. 3]. Проблемность таких суждений в том, что законодатель исходит от обратного соотношения: «признание вины» — часть «согласия с обвинением», но не наоборот. Вина — лишь психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Вина не охватывает всех тех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и составляющих содержание обвинения. Конечно, «согласие с обвинением» значительно шире «признания вины», поскольку обвиняемый, соглашаясь с обвинением, признает себя не только виновным, но и признает доказанность и других обстоятельств (выходящих за пределы виновности), например события преступления (времени, места, способа и других обстоятельства совершения преступления); обстоятельства, характеризующие его личность; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и т. д.

Веские доводы о необходимости разграничения «согласия с обвинением» и «признанием вины» приводит Д. П. Великий:

Признание вины, сделанное на стадии предварительного расследования, запротоколированное в установленном порядке и подтвержденное другими доказательствами, имеет чисто доказательственное, информационное значение. При этом обвиняемый, признающий свою вину, может и не заявлять ходатайство о принятии решения в особом порядке. С другой стороны, обвиняемый, отказавшийся давать какие-либо показания на предварительном расследовании и, соответственно, не высказавшийся о виновности, формально не лишен права заявлять ходатайство об особом порядке... Согласие с предъявленным обвинением — это проявление диспозитивности, использование обвиняемым своих прав, не имеющее какого-либо доказательственного значения; это отказ от процессуального оспаривания предъявленного обвинения без объяснения причин... Иными словами, признание вины имеет материально-правовое значение, а согласие с предъявленным обвинением — процессуальное [20, с. 76].

Во-первых, применительно к особому порядку судебного разбирательства обособление материально-правовой и процессуальной составляющих неприемлемо, поскольку обвинение не может рассматриваться лишь как процессуальный тезис, лишенный доказательственного содержания. Обвинение не может быть необоснованным, не включать в себя обстоятельств установления вины, а применительно к особому порядку — признания вины обвиняемого. По этим же причинам нельзя идеи диспозитивности распространять лишь на возможность выбора процессуальной модели без осознания выбора материально-правовых

последствий. Если обвиняемый в особом порядке осознанно соглашается с возможностью постановления исключительно обвинительного приговора (а другого быть не может), то он должен понимать, что уголовная ответственность наступает лишь за виновно причиненное деяние, а не за предоставленную процессуальную возможность не оспаривать обвинение. По этой же причине обвиняемый, действуя в пределах самостоятельного выбора, обязан осознавать и то, что в случае неудовлетворения его ходатайства на особый порядок по независящим от него обстоятельствам, последствия согласия с обвинением должны иметь информативное значение в части признания себя виновным в совершении преступления.

Во-вторых, действительно обвиняемый, не признающий себя виновным в совершении преступления, не лишен права заявлять ходатайство об особом порядке. Само формальное наличие права сложно отрицать, однако всегда интересен вопрос о реальной реализации имеющихся полномочий. Это проблема номинальности правомочий. Обладание правом вовсе не означает необходимое его удовлетворение, поскольку корреспондирующая обязанность суда складывается, как уже отмечалось, из совокупности равнозначных условий, невыполнение любого из которых блокирует возможность постановления приговора без проведения судебного разбирательства. Формальное согласие с обвинением, согласие «с оговорками» следует рассматривать как фактическое несогласие с таковым, поскольку отсутствует важная содержательная часть обвинения — признание вины.

Существует точка зрения Л. А. Воскобитовой, что согласие с предъявленным обвинением не связано с позицией обвиняемого относительно фактических обстоятельств дела, он вообще может не дать показания, но при этом не спорить с обвинением [21, с. 761]. Здесь важно учитывать, что закон ждет от обвиняемого не созерцательного отношения к правосудию, а активной позиции, выраженной в заявлении согласия с предъявленным обвинением и осознанием всех, как материальных, так и процессуальных, последствий обвинительного приговора. Такое согласие не может быть выражено кивком на предложение прокурором усеченной процедуры, оно должно быть добровольным и не голословным. Кроме того, отказ от дачи показаний в виновности влечет сомнения в обоснованности обвинения, следствием чего станет назначение судебного разбирательства в общем порядке. По этой же причине сложно согласиться с высказыванием о том, что особый порядок «придает признанию вины неоправданно высокую роль в доказывании, ориентирует органы предварительного расследования на получение такого признания любой ценой» [22, с. 278–288]. Во-первых, право ходатайствовать об особом порядке принадлежит обвиняемому, но никак не следствию или прокурору. Во-вторых, роль признания для усеченного производства оправданно высока. Ведь ни у кого не возникает желания осудить лицо лишь за то, что он всего лишь не спорит с функционерами процесса?

Таким образом, узловой предпосылкой согласия с обвинением выступает признание вины обвиняемым. Признание своей вины становит-

ся необходимым (обязательным) доказательством, без которого не может быть реализован особый порядок судебного разбирательства. Однако значение признания вины в особом порядке складывается из ряда таких составляющих, как: 1) что содержательно должно включать признание вины; 2) какова форма процессуального закрепления такого признания; 3) существует ли возможность его проверки и оценки судом?

1. Признание вины как элемент показаний обвиняемого должен всегда касаться конкретных обстоятельств, связанных с обвинением и тех доказательств, на которых оно основано. Лучше понять роль признания вины при особом порядке судебного разбирательства помогает предложение рассматривать признание вины в единстве двух значений: доказательственного и правового:

28

Говоря о правовом значении признания вины, целесообразно исходить из его понимания в качестве юридического факта, а именно – правомерного поступка, направленного на действие определенных правовых институтов, предусмотренных в настоящем уголовном судопроизводстве, то есть условием, при котором вступает в действие досудебная или судебная процедура... Под признанием вины в доказательственном значении следует понимать сообщаемые в рамках допроса, очной ставки, проверки показаний на месте подозреваемым и обвиняемым сведения, которыми он подтверждает действительность каких-либо фактов, относящихся к этому преступному событию и достаточных для констатации конкретного состава преступления [23, с. 227 – 228].

Такое разграничение правомерно лишь в целях теоретического исследования сущности признания вины, но не в правоприменительной деятельности. Если согласиться лишь с процессуально-правовым значением признания вины вне доказательственного содержания таких показаний, то придется связывать наступление всех правовых последствий особого порядка лишь номинальным признанием обвиняемого, что как раз и служит проявлением бездушного формализма. Участникам процесса следует помнить, что «и признание обвиняемым своей вины применительно к особому порядку нельзя рассматривать в отрыве от традиционного понимания его как разновидности показаний обвиняемого. Даже в этом случае доказательственное значение имеет не сам факт признания вины, а содержание показаний, та конкретная информация об обстоятельствах, имеющих значение для дела, располагать которой может лишь лицо, причастное к совершению преступления» [24, с. 4].

2. Вопрос о процессуальной форме признания обвиняемым своей вины решается не однозначно, но имеет принципиальное значение, поскольку показывает связь между необходимыми доказательствами и необходимыми пределами доказывания, то есть между содержанием и формой. Признание обвиняемым вины должно быть облачено в надлежащую процессуальную форму показаний обвиняемого. Как разновидность показаний обвиняемого следует рассматривать и заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением. Такое

заявление имеет двойственную природу: «...Отчасти реализующей право обвиняемого ходатайствовать о сокращенном производстве, и в этой части требующая признания за ним статуса процессуального ходатайства, отчасти содержащей сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания (согласие с обвинением, признание за истинные обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, и тем самым подтверждение их), что требует признания статуса признательных показаний» [25, с. 77]. Здесь налицо расширительное толкование понятия «показания обвиняемого» за счет того, что в него включаются не только сведения, сообщенные обвиняемым на допросе, как того требует закон (ст. 77 УПК РФ), но и данные, изложенные вне процедуры допроса, а, например, в ходе обязательного опроса как это предусмотрено для особого порядка (ч. 4 ст. 316 УПК РФ). Все остальные атрибуты надлежащего средства доказывания для заявления обвиняемого о согласии с обвинением будут соблюдены, поскольку сведения (в первую очередь о признании себя виновным), содержащиеся в заявлении, относятся к предмету доказывания, они получены от надлежащего источника доказательства (обвиняемого) в предусмотренном законом порядке. Все это дает основания считать заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением тем источником доказательства, без которого дело в особом порядке не может быть рассмотрено, то есть необходимыми пределами доказывания. Но не только заявление с учетом всех его особенностей правовой природы следует относить к необходимым пределам доказывания, но и все остальные источники доказательств, полученные в досудебных стадиях, где зафиксировано признание подсудимым своей вины и изложены обстоятельства совершенного преступления. К таким источникам следует относить показания обвиняемого, данные в ходе его допроса, а равно протоколы следственных действий, содержащие признательные показания. Отсутствие таких источников в материалах уголовного дела наглядно свидетельствует о недостижении необходимых пределов доказывания для постановления приговора в особом порядке, что, соответственно, не позволит суду прийти к выводу об обоснованности обвинения и потребует рассмотрения дела в общем режиме.

3. Самые большие сложность вызывает вопрос о возможности проверки и оценки признания лицом себя виновным при заявлении им согласия с предъявленным обвинением. «Судебное разбирательство, которое в этом случае должно состояться как бы в мыслях судьи (ч. 2 ст. 316 УПК РФ), отнюдь не надежная гарантия объективного решения по делу, — пишет А.В. Победкин. — Поскольку процедура принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением лишена важной гарантии обоснованности принимаемых решений — непосредственного исследования судом доказательств, упрощение судопроизводства должно быть компенсировано надежными гарантиями, следование которым должно минимизировать риск постановления незаконного, необоснованного и несправедливого приговора» [26, с. 290].

Действительно, отсутствие правил непосредственности исследования доказательств, проверки их допустимости при особом порядке судебного разбирательства существенно затрудняет традиционное понимание процесса доказывания. Однако такие трудности вовсе не означают полного отсутствия доказывания. Происходит лишь смена формата доказательственных отношений, где значительное влияние приобретают разнообразные процессуальные условия — «условные» формы, что свидетельствует о распространении правил теории формальных доказательств. Сегодня особый порядок применяется в отношении $\frac{2}{3}$ всех уголовных дел, рассматриваемых судами. Его преимущества были восприняты практикой, что свидетельствует о разумном восприятии «положительных» зерен концепции легального доказывания. Разумность формализации познания при особом порядке судебного разбирательства должна предусматривать следующее:

- Безусловный приоритет правил свободной оценки доказательств над любыми другими нормами особого производства. Так, в случае возникновения сомнений в обоснованности тех или иных доказательств или процессуальных решений у суда остается безусловное право немотивированного прекращения рассмотрения дела без проведения судебного разбирательства.

- Наличие необходимых доказательств и обязательных их источников (необходимых пределов доказывания), которые в первую очередь создают надлежащие условия для реализации соответствующей усеченной процессуальной формы. Оценка таких доказательств осуществляется по общим правилам без придания таким сведениям и источникам какой-либо предрешенной силы.

- Расширение формальных оснований доказывания должно влечь существенное как качественное, так и количественное усиление гарантий прав участников судебного разбирательства, а также гарантий надежности самой процессуальной формы.

- Наличие дополнительных процессуальных норм, возможно, правил законодательной техники (презумпций, фикций), позволяющих минимизировать случаи, когда согласие со сведениями заменяет непосредственное исследование содержания доказательств.

Список литературы

1. Александров А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. №12. С. 43–52.
2. Андросенко Н. Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. 2007. №23. С. 6–8.
3. Астафьев А. Ю. Законность и обоснованность решения судьи о рассмотрении дела в особом порядке // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2014. №11/2. С. 133–138.

4. Боярская А.В. Характер и последствия преобразования предмета доказывания в рамках особого порядка судебного разбирательства // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2010. №3. С. 203–208.
5. Великий Д.П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права. 2005. №6. С. 74–80.
6. Гладышева О.В., Редькин Н.В. Особый порядок судебного разбирательства в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. М., 2008.
7. Глобенко О.А. Понятие «показания обвиняемого»: расширительное толкование // Юридический мир. 2007. №7. С. 74–80.
8. Гончарова М. Признание вины – не все так просто // ЭЖ-Юрист. 2012. №5.
9. Зотов Д.В. О теории формальных доказательств: и все же она возвращается // Адвокат. 2015. №4. С. 5–9.
10. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2015. №3. С. 197–210.
11. Карякин Е.А. Формирование истинности обвинительного приговора при производстве в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. №3. С. 22–28.
12. Курченко В.Н. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением – условие особого порядка судебного разбирательства // Российский судья. 2015. №6. С. 22–25.
13. Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В. К вопросу об основаниях и условиях применения главы 40 УПК РФ // Мировой судья. 2012. №4. С. 2–6.
14. Паныкина И.Ю. Сущность изменения основы уголовного процесса России // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. №4. С. 253–258.
15. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009.
16. Рамазанов Т.Б. Сокращенное судебное доказывание в уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. №4. С. 130–134.
17. Соловьева Н.А., Перекрестов В.Н. Правовое и доказательственное значение признания вины в современном российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. №2. С. 223–229.
18. Татьяна Л.Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. №3. С. 38–40.
19. Уголовно-процессуальное право России / под ред. П.А. Лупинской. М., 2009.
20. Хромова Н.М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. 2013. №6. С. 107–115.
21. Шамардин А.А. Проблемы обеспечения гарантий прав личности при особом порядке судебного разбирательства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2005. Вып.6. С. 244–254.

Об авторе

Денис Валентинович Зотов – канд. юр. наук, доц., Воронежский государственный университет.

E-mail: zotov78@mail.ru

About the author

Dr D. Zotov, Associate Professor; Head of the Department of Judicial Authority and Law Enforcement of Voronezh State University.

E-mail: zotov78@mail.ru